

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛИЗМА ЗАХАРА ФАЙНБУРГА

Олег Лейбович¹

Abstract

The point at issue in the article is the academic life of a Soviet Marxist sociologist Zakhar Faynburg, who used Marx's dialectics to analyze and criticize the type of socialism that was in the USSR in the 1970s–1980s. Faynburg indicated contradictions of the existing model of production with the notions of socialism as well as some features of the bourgeois social structure which were typical for the soviet society. As far as the official Marxist doctrine allowed only «achievements of socialism» but not its contradictions, Faynburg's works were unfairly ignored by the academic milieu.

Keywords: Soviet Marxism, dialectics, Faynburg, social contradictions, socialism.

В советском общественном сознании 1970–80-х господствовали идеологические интерпретации марксизма – то, что в официальной терминологии именовалось марксизмом-ленинизмом. Для многих обществоведов следование марксистской теории превратилось либо в пустой обряд (несколько обязательных формул и цитат во *Введении*), либо в пропуск к участию в политических кампаниях по разоблачению «буржуазных фальсификаторов», либо в орудие межклановой войны в научных учреждениях. В коллективной памяти советских гуманитариев сохранились воспоминания об идеологических погромах, осуществляемых партийными функционерами от имени марксизма. «Разгром социологии», совершённый Отделом науки и вузов ЦК КПСС на рубеже 1960–70-х, напомнил о живучести старых практик.² В этом случае марксизм отождествлялся с партийными лозунгами, отобранными и препарированными цитатами, при помощи которых научные оппоненты объявлялись виновными в идеологических и политических грехах.

¹ Олег Леонидович Лейбович – доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры (ПГИИК) (г. Пермь, Российская Федерация).

² Осипов Г.В. Отечественная социология: история и современность // *Социологические исследования*. 2009. №3. [Электронный ресурс] Точка доступа: http://management.edu.ru/images/pubs/2009/07/14/0000330848/Otechestvennaya_istoriya.pdf. Дата доступа: 01.02.2010.

«Залогом успеха “научной карьеры”, при некотором, конечно, усвоении базовых элементов и навыков специальности, стало умение ловко подменять теоретические “поиски” официозными догматами идеологического характера и удачно применяться к требованиям “высокого” ... начальства, которое, в свою очередь, чутко следило за всеми изменениями в политических и идеологических настроениях власти».³

В то же время власти с неприкрытым подозрением относились к исследователям, стремящимся применить Марксов метод для изучения советской действительности. Сталин клеймил знатоков марксизма «начётчиками и талмудистами»⁴.

Согласно установившейся традиции, развитие марксизма являлось прерогативой высших партийных учреждений (съездов и пленумов ЦК КПСС) и высших должностных лиц в ранге генерального секретаря. Советские обществоведы к этому времени хорошо усвоили принцип партийности в науке: «...трудиться им позволено не для того, чтобы они высказывали свою способность к интерпретации идеологических вопросов»⁵. Тем не менее среди обществоведов, институализированных в академической или университетской среде, встречались люди, исповедовавшие «честный марксизм»⁶. Среди них был и профессор Захар Ильич Файнбург (1922–1990), работавший в 1960–80-е в Пермском политехническом институте заведующим кафедрой научного коммунизма.

Захар Ильич Файнбург сознательно выбрал путь, отвергнутый большинством советских гуманитариев и не поощряемый властью, – обратиться к Марксовой методологии для изучения социальных явлений современного ему мира, главным образом, советского общества, тем самым обрекая себя на интеллектуальное одиночество среди товарищей по социологическому цеху. Те без лишних деклараций приняли к исполнению максимум: в марксистской парадигме работать нельзя.

«Знаешь, Захар, почему тебя не печатают, – сказал как-то Файнбургу его старый товарищ и оппонент Л.А. Гордон, – потому что ты марксист. Вот мы не марксисты, и нас охотно печатают!»⁷

Файнбург, однако, пытался преодолеть цензурные ограничения: писал гегелевским языком, исключавшим всякую уступку

³ Дмитриев А., Устинов Д. «Академизм» как проблема отечественного литературоведения XX века (историко-филологические беседы) // *Новое литературное обозрение*. 2002. № 53. С. 239.

⁴ Сталин И. Письмо товарищу Холопову // Сталин И.В. *Сочинения в 16 томах*. Т. 16. [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.hrono.info/libris/stalin/16-34.html>. Дата доступа: 09.03.2009.

⁵ Вихавайнен Т. *Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная проблема русской интеллигенции*. СПб.: ИД «Коло», 2004. С.318.

⁶ Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история академии: случай А.Н. Шебунина // *Новое литературное обозрение*. 2002. № 54. С. 40.

⁷ Файнбург З.И. *Предвидение против пророчеств. Современная утопия в облике научной фантастики*. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2007. С. 268.

популярности, старательно обходил тему государства, а с ней и всю политическую проблематику. Иногда его публиковали – в Москве в экономических журналах, в сборниках тезисов докладов провинциальных конференций, однажды издали книгу в Саратове.

Для учёных, искренне желающих быть марксистами, ситуация складывалась трагическая. С одной стороны, недоверие властей, означавшее фактически запрет на публикацию теоретических текстов, с другой – интеллектуальное отторжение коллег, искренне не понимающих, как можно серьёзно относиться к идеологическим формулам.

«Битву можно считать проигранной. Главная причина, вероятно, на фоне более общих (о чем писать не буду), моё стремление быть полезным, жар просвещения», – записал в своём дневнике незадолго до смерти Михаил Лифшиц.⁸ Захар Файнбург пессимистом не был. Он сознательно шёл против течения, вдохновляясь коллективным опытом двадцатых годов – временем дискуссий и идейных споров между гуманитариями, приступившими к освоению марксизма. В современной ему общественной науке Файнбург выбрал для себя роль наследника и продолжателя ранней советской марксистской традиции с её интерпретациями аутентичных источников, спорами о методе, страстью к теории, открытостью по отношению к западным течениям общественной мысли и социальным оптимизмом. Его позиция оставалась маргинальной в такой же степени, как и у иных проponentов «честного марксизма» – того же М. Лифшица или Э. Ильенкова. «Мы очень хорошо относились к нему, но далеко не всегда понимали его».⁹

Бытование на обочине научного пространства формировало у последних советских марксистов систему иллюзий касательно и собственного предназначения, и личных возможностей переломить ситуацию. Своё интеллектуальное кредо они обосновывали, в том числе, аргументами *ad homini* – биографией личной и поколенческой. Так, Михаил Лившиц говорил о себе:

«Я могу считаться сыном, а не внуком Октябрьской революции, сыном, имевшим возможность принять её уроки из первых рук»¹⁰.

Захар Файнбург написал во введении к своей последней книге:

⁸ Лифшиц М. Pro domo sua // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 88. [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/li4.html>. Дата доступа: 04.03.2009.

⁹ См.: Письмо Л.Н. Когана в адрес третьих файнбургских чтений. 12.09.1996 // *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований*. Т. II. Пермь, 2004. С. 63.

¹⁰ См.: Из автобиографии идей. Беседы М.А. Лифшица // *Контекст 1987. Литературно-теоретические исследования*. М.: Наука, 1988 [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://mesotes.narod.ru/lifshiz/avtobiograf.htm>. Дата доступа: 17.02.2009.

«Мои отец и мать, как и многие старые коммунисты, погибли в 1938 году. Это предопределило круг моих интересов в науке: всю жизнь я занимался исследованием природы социализма...»¹¹.

На фоне современных им обществоведов они казались могилками ушедшего в небытие племени. Советские марксисты 1970–80-х были хранителями древней, уже угасающей традиции, для актуализации которой в обществе развитого социализма не было ни культурных, ни социальных корней. Маргинальность обрекала марксистских гуманитариев на «островное существование». Они с трудом находили друг друга и проявляли невысокую способность к сотрудничеству. Опасные чудаки или лицемеры, не схваченные за руку ревизионисты или закоренелые догматики – такими они выглядели в глазах дюжинных обществоведов. Их «консерватизм», говоря словами Г.В. Плеханова, однако, представляется «много симпатичней новаторства» эпигонов партийной догматики или поборников бездумной эклектики: «В нём нет холопского настроения»¹².

Когда коммуникации между сторонниками одного научного направления нарушены, тогда они более интенсивно ищут себе предшественников, тщательно выстраивают интеллектуальную традицию. Так поступал и З.И. Файнбург, постоянно обращавшийся к текстам Карла Маркса для построения собственной концепции. Её содержание во многом определялось тем, *что* именно отобрал автор и *как* смог интерпретировать. Философия Маркса, как справедливо заметил Р. Арон, «неоднозначна и неисчерпаема. Она допускает множество интерпретаций в разной степени правдоподобных, если руководствоваться общими правилами исторической критики, но вполне приемлемых в том случае, если мы оставляем за собой право читать *Экономически-философские рукописи 1844 года* или *Капитал*, исходя из нашего мыслительного универсума...»¹³. Файнбург придерживался сходной точки зрения:

«Да и в целом, т. н. “марксизм” фактически вмещает в себя целый ряд разнонаправленных элементов, имеющих определённые сходные моменты, но отнюдь не сводящихся к этому общему»¹⁴.

Быть марксистом значило для него произвести процедуру самоопределения не только в общем пространстве соперничающих друг с другом социальных парадигм, но и в самом марксизме.

Захар Файнбург обратился к *Капиталу* и сопутствующим ему материалам, собранным в нескольких томах сочинений Маркса.¹⁵ Этот выбор имел принципиальное значение. Файнбург тем самым

¹¹ Файнбург З.И. *Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности».* Очерки теории. М.: Политиздат, 1991. С. 8.

¹² Плеханов Г.В. *Сочинения в 24 томах.* Т. XX. М.–Л.: Госиздат, 1925. С. 193–194.

¹³ Арон Р. *Мнимый марксизм.* М.: Прогресс, 1993. С. 21.

¹⁴ Файнбург, *Не сотвори себе кумира*, указ. соч., с. 58.

¹⁵ Файнбург З.И., Козлова Г.П. *Диалектическая логика политической экономики социализма.* Саратов: Изд-во Саратов. универс., 1982. С. 11.

утверждал свою приверженность «зрелому марксизму», к слову сказать, официально признанному советской общественной теорией, в противовес западным последователям Маркса, в духе раннего Лукача развивавшим концепцию отчуждения. *Капитал* был особо привлекателен тем, что именно в нём Ленин обнаружил какую-то особую логику, сопоставимую по масштабам с большой Логикой Гегеля.¹⁶ Извлечь её из текста и применить к анализу социалистического общества – такой видел свою задачу Файнбург. На выбор влияли и личные причины – работа в семинаре по *Капиталу* в студенческие годы – и цензурные – в тексте *Капитала* не содержалось опасных и непроходимых в печати тем – о государстве, идеологии.

Из доступных текстов Файнбурга явствует, что он пытался интерпретировать Маркса, что называется, напрямую, поверх барьеров, кем бы они ни были поставлены. Будучи марксистом, Файнбург в соответствии с этой парадигмой избрал предмет и метод исследования. Всю свою жизнь он изучал современное ему советское общество как социалистическое, или, в другой формулировке, коллективистское. На первый взгляд, кажется, что при такой постановке вопроса З.И. Файнбург соглашался с официальной партийной доктриной, согласно которой победивший в стране социализм определял все стороны общественной жизни и, самое главное, коммунистический вектор развития. Более того, признав социалистический характер советского общества, он принципиально расходился с зарубежными «критическими марксистами», для которых советское общество обладало иными атрибутивными свойствами – государственного капитализма¹⁷ или «монополистического социализма»¹⁸. Или, как писал Ш. Беттельхейм, «общественные отношения, которые характеризуют Советский Союз, в основе своей идентичны капиталистическому способу производства»¹⁹.

Правда, при ближайшем рассмотрении выясняется, что тождество с официальной доктриной скорее мнимое, а расхождение с западными марксистами не столь принципиальное, как может показаться. Главная линия раздела проходит здесь по иной траектории – с коллегами социологами, неспособными или не желающими анализировать обнаруженные ими явления или процессы «в ключе формационной теории марксизма»²⁰ и готовыми довольствоваться «нагромождением мелких атомарных наблюдений, бес-

¹⁶ Ленин В.И. *Философские тетради* // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений в 55 томах*. Т. 29. М.: Политиздат, 1963. С. 301.

¹⁷ Клифф Т. *Государственный капитализм в России*. М., 1991. С. 4.

¹⁸ Kuron J., Modzelewski K. *List otwarty do partii* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.pracdemorepublika.pl/strony/listotwarty_kur_modz.html. Дата доступа: 25.01.2010.

¹⁹ Bettelheim Ch. *Über die Natur der sowjetischen Gesellschaft* // Bettelheim, Meszaros, Rossanda u.a.: *Macht und Opposition in den nachrevolutionären Gesellschaften*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1979 [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.praxisphilosophie.de/bettel.pdf>. Дата доступа: 30.01.2010.

²⁰ Файнбург, *Не сотвори себе кумира*, указ. соч., с. 4.

смысленных вне структуры: точь-в-точь по привычкам атомистического позитивизма XIX века»²¹.

Вернёмся к официальной доктрине. В статье *Исторический рубеж на пути к коммунизму*, подписанной Л.И. Брежневым, как и в Конституции 1977 года, утверждалось, кроме всего прочего, что развитой «социализм развивается на своей собственной основе»²². Для Файнбурга эта формула была совершенно неприемлемой. Он интерпретировал социалистическое общество с полуторавековой дистанции сквозь призму *Капитала*, вернее, подготовительных материалов к нему, собранных в двух книгах 46 тома и в 48–49 томах сочинений Маркса–Энгельса:

«Одна из главных составляющих формационной теории Маркса – концепция последовательной смены трёх фаз развития формации. Первая фаза – когда новая формация развивается ещё на материально-технической базе (МТБ), унаследованной от прежней формации. В связи с этим отношения нового типа ещё испытывают прямое “генетическое давление” прошлого, переплетены с какими-то отношениями, унаследованными от прошлого. Вторая фаза – когда новая формация создаёт соответствующую себе МТБ. Соответственно новые отношения развёртываются в своей зрелой форме. Третье – когда дальнейшее поступательное развитие в рамках старой формации может осуществляться только за счёт создания новых производительных сил и производственных отношений, по своему качеству выходящих за границы старой формации. При этом в границах старого формационного качества идёт нарастающее возникновение общественных отношений нового типа...»²³

Социализм, будучи первой фазой коммунистической формации, вырастает на чужой технической основе – машинном производстве, унаследованном от капитализма. «В условиях же социализма материальная база в своих основных собственно технических характеристиках ещё однотипна с материально-технической базой капитализма. Такое явление закономерно», – утверждал Файнбург²⁴ и приводил соответствующую цитату:

«Материальная возможность последующей формы [производства] – как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятия – создаётся в рамках предшествующей формы»²⁵.

²¹ См.: *Ваш М.Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова*. М.: Новое изд-во, 2008. С. 85.

²² *Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик*. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.tarasei.narod.ru/konst1977.htm>. Дата доступа: 03.02.2010.

²³ Файнбург, *Не сотвори себе кумира*, указ. соч., с. 181.

²⁴ Файнбург, Козлова, *Диалектическая логика*, указ. соч., с. 36.

²⁵ Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1973. С. 461.

Для Файнбурга социализм – это не просто общество, отягощённое грузом капиталистического прошлого (о буржуазных пережитках и «родимых пятнах капитализма», особенно в сознании людей, охотно писали и партийные пропагандисты), но общество, использующее для своего существования неадекватную ему технику, чужие производительные силы. Файнбург не был первым марксистом, обратившим на это внимание. В середине двадцатых годов об определяющей роли техники в социальном процессе писал Н.И. Бухарин.²⁶ Тогда же ему в резкой форме возражал Георг Лукач:

«Не по-марксистски изымать технику из ряда идеологических форм и приписывать ей самостоятельное существование, независимое от экономической структуры общества»²⁷.

В среде советских обществоведов Г. Лукач слыл ревизионистом, что отнюдь не помешало принять его точку зрения на подчинённую роль материальных элементов производства, тем более что в ходу оставались идеологические клише о «социалистической технике», «социалистической фабрике» и пр., пущенные в оборот в середине 1930-х годов.²⁸

В третьем издании *Большой Советской Энциклопедии* в статье *Социализм*, написанной Л. Абалкиным, прямо утверждалось, что его «экономический строй характеризуется адекватной ему материально-технической базой и системой производственных отношений, основанных на общественной собственности на средства производства»²⁹. Файнбург вступал в полемику не только с титулованными авторами важных статей, но и с большой идеологической традицией.

Со времён Ленина было признано, что «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»³⁰. Собственно, её и создавали в ходе сталинских пятилеток. Согласиться с тем, что новая советская индустрия является вторым изданием индустрии капиталистической, могли хозяйственники и инженеры, активно пользовавшиеся в 1970-е годы импортными западными технологиями, если бы им разрешили публично обсуждать такие темы. Для нужд пропаганды такого рода замечания Маркса были совершенно неприемлемы, ибо ставили под сомнение не

²⁶ Бухарин Н.И. *Теория исторического материализма*. М.: Госиздат, 1921. С. 199.

²⁷ Лукач Г. Рецензия на книгу Н. Бухарина *Теория исторического материализма* // *Политические тексты*. М.: Три квадрата, 2006. С. 203.

²⁸ Александров Г.Ф. Великое произведение творческого марксизма // *Вестник Академии наук СССР*. 1948. № 10. С. 3.

²⁹ Абалкин Л. Социализм // *Большая Советская Энциклопедия*; гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 24. Кн. 1. М.: Сов. энцикл., 1976 [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://oval.ru/enc/94836.html>. Дата доступа: 03.02.2010.

³⁰ Ленин В.И. Тезисы доклада о тактике РКП(б) // Ленин, *Полн. собр. соч.*, указ. изд., т. 44, с. 9.

только разученную несколькими поколениями советских людей версию новейшей истории страны, но множество иных коммунистических догматов, в том числе вывод XXI съезда КПСС (январь-февраль 1959 года) о полной и окончательной победе социализма в СССР, исключавшей какую бы то ни было возможность реставрации буржуазных отношений в советском обществе:

«В мире нет сейчас таких сил, которые смогли бы восстановить капитализм в нашей стране, сокрушить социалистический лагерь. Опасность реставрации капитализма в Советском Союзе исключена. Это значит, что социализм победил не только полностью, но и окончательно»³¹.

Система машинного производства ограничивала в решающей степени социальные возможности и самого передового класса социалистического общества. Рабочий, обслуживающий на социалистической фабрике простую машину, «играет роль физического компонента» производственного процесса³², то есть в одном случае – особой машины с заданными функциями, а в другом – физического придатка этой же самой машины.

«Определение сущности работника социалистического производства также антиномично, ибо как совладелец коллективных средств производства он противостоит себе же самому в качестве носителя индивидуальной рабочей силы, ищущей конкретного места, конкретной формы соединения со средствами производства. ... В условиях непосредственно обобществлённого производства каждый индивид выступает в единстве своих экономических ролей: в одном лице он собственник орудий труда и работник»³³.

Размышляя о природе социализма, З.И. Файнбург поставил под вопрос органичность новых, в его терминологии, коллективистских отношений, сложившихся на основе крупного машинного производства. «Для социализма, – писал он, – характерно формальное подчинение труда отношениям коллективности»³⁴. В своей последней работе он высказался на эту тему более жёстко:

«Вся совокупность разнородных социально-экономических элементов никоим образом не могла сложиться в органическую (то есть саморегулирующуюся, равновесную, устойчивую) систему. И поэтому её относительное равновесие могло поддерживаться, и то лишь до поры до времени, только командно-административными (то есть неэкономическими) методами... Развал этого временного шаткого относительного равновесия при последующем разрастании масштабов экономики был предreshён»³⁵.

³¹ См.: *Материалы XXI съезда КПСС*. М.: Госполитиздат, 1959. С. 97–98.

³² Наумова Н.Ф. Буржуазная социология о разделении труда // *Вопросы философии*. 1965. № 2. С. 73.

³³ Файнбург, Козлова, *Диалектическая логика*, указ. соч., с. 32–34.

³⁴ Там же, с. 85.

³⁵ Файнбург, *Не сотвори себе кумира*, указ. соч., с. 195.

Захар Файнбург вряд ли смог отвергнуть аргумент Беттельгейма, что «собственность в точном смысле этого слова не является юридической категорией, но продуктом всей совокупности общественных отношений», и потому в обществе разделённого труда она не может быть подлинно коллективистской.³⁶ Только вывод, касательно природы советского общества, он делал иной, на первый взгляд кажущийся парадоксальным: поскольку коллективистские отношения носят формальный характер, поскольку они поддерживаются государственным принуждением, постольку они и являются социалистическими. Один раз он обмолвился «государственно социалистическими», добавив, что не вкладывает в это определение никаких ценностных коннотаций.³⁷ Замечу, что в этом пункте он перекликается с М. Лифшицем, который писал о «широком и прогрессивном государственном социализме Сталина»³⁸. Для него не имела силы контраргументация Б. Зенфа:

«Тейлоризм, разделение труда на мельчайшие операции, работа на конвейере, аккордные работы, сдельщина – всё то, что Маркс в своих ранних работах обвинил в бесчеловечности, на долгое время были доведены до крайности и объявлены необходимым инструментом ускоренной индустриализации»³⁹.

У Файнбурга был готов ответ, сформулированный с предельной чёткостью: при социализме «конкретные свойства экономических отношений превращаются в свою противоположность»⁴⁰. Повторим ещё раз: у Файнбурга не вызывала сомнения социалистическая природа советского общества, поскольку в нём было непосредственно обобществлено производство, упразднена частная собственность, осуществлено подчинение процесса труда отношениям коллективности. Структура властных отношений им в расчёт не бралась вовсе. С точки зрения «зрелого марксизма», государство есть лишь элемент политической надстройки, способной, конечно, воздействовать на базис, но отнюдь не менять его. И если способ производства признаётся социалистическим, то какие бы люди ни находились на капитанском мостике, они вынуждены придерживаться заданного курса и лишь «плыть по течению» в соответствии «с ходом истории и с историческим временем»⁴¹.

В такой постановке вопроса Файнбург был солидарен с Троцким, сходными аргументами отстаивавшим идею преобладания социалистической тенденции в развитии довоенного советского общества: поскольку в нём нет классовых антагонизмов, бю-

³⁶ Bettelheim, op. cit.

³⁷ Файнбург, *He сотвори себе кумира*, указ. соч., с. 195.

³⁸ См.: *Из автобиографии идей*, указ. соч.

³⁹ Senf B. *Die Marxsche Utopie und der Realsozialismus – Übereinstimmung oder Widerspruch?* (1998) [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.berndsenf.de/pdf/Die%20Marxsche%20Utopie%20und%20der%20Realsozialismus.pdf>. Дата доступа: 30.01.2010.

⁴⁰ Файнбург, Козлова, *Диалектическая логика*, указ. соч., с. 15.

⁴¹ Файнбург, *He сотвори себе кумира*, указ. соч., с. 6.

рократия не является отдельным классом, поскольку «пользуется привилегиями в порядке злоупотребления» и экспроприировала пролетариат политически, «чтоб своими методами охранять его социальные завоевания»⁴². На европейских левых такие аргументы не действовали. Они апеллировали к Ленину, утверждавшему, что направление социального развития страны не задаётся в автоматическом режиме ни типом экономических отношений, ни социальным составом властных учреждений. Решающая роль принадлежит тем, кто на практике реализует властную политику.

«Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не её составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»⁴³.

Главным вопросом, стало быть, является следующий: кто реально властвует в новом обществе – рабочий класс или всё та же бюрократия, ставшая классом-заменителем прежней буржуазии и по своим культурным ориентирам, и по статусным атрибутам, и по методам властвования?

«Государственная собственность может иметь разное классовое содержание в зависимости от классового характера государства, – писали Куронь и Модзалецкий. – Бюрократия (в Польской Народной Республике) обладает всей политической и экономической властью, лишив рабочий класс не только инструментов власти и контроля, но даже самозащиты»⁴⁴.

В обществе, где бюрократия бесконтрольно распоряжается средствами производства, главенствуют государственно-капиталистические, а не государственно-социалистические отношения.

Нельзя сказать, что в анализе социализма Файнбург полностью обходил, казалось бы, ключевую для марксиста тему социальной структуры. Он изучал её под иным углом зрения: исследовал группировки индустриальных рабочих, различающихся по содержанию труда, культурную дифференциацию в городских сообществах...⁴⁵ Здесь играли роль и цензурные ограничения. О социальном составе советского общества полагалось писать, *во-первых*, в терминах

⁴² Троицкий Л. *Преданная революция*. М.: НИИ культуры, 1991. С. 206–207.

⁴³ Ленин В.И. Об условиях приёма новых членов в партию – письмо В.М. Молотову // Ленин, *Полн. собр. соч.*, указ. изд., т. 45, с. 20.

⁴⁴ Kuron, Modzelewski, op. cit.

⁴⁵ Файнбург З.И. Культурная дифференциация в социалистическом обществе и некоторые её социальные следствия // *Личность. Группа. Общество*. Сб. науч. тр. № 90. Пермь: Изд-во ПГТУ, 1971; Файнбург З.И. *Социология социалистического производственного коллектива*. М.: Профиздат, 1982.

«сталинской трёхчленки»: рабочий класс, колхозное крестьянство, трудовая интеллигенция, подчёркивая, *во-вторых*, ведущую тенденцию общественного развития – к социальной однородности. Робкие попытки отечественных социологов усложнить картину тут же пресекались административными методами. О чиновниках как особой социальной группе можно было писать только китаеводам. Над сознанием руководящих кадров довели призраки прошлого – опыт борьбы с левой оппозицией, поставившей вопрос о перерождении работников советских и партийных аппаратов и опасности грядущего термидора. Здесь действовал и социальный инстинкт, побуждающий власть имущих запрещать публичные дискуссии, которые могли бы затронуть их реальные интересы. Тема привилегий партийной номенклатуры была исходным пунктом всех форм и видов общественного недовольства. В сознание обществоведов была внедрена мысль: тот, кто говорит и пишет о «новом классе», является подрывным элементом, идеологическим противником или ревизионистом.

Нельзя сказать, что З.И. Файнбург был свободен от идеологических шор. Однако его отказ от анализа классовой структуры был, как кажется, связан и с доктринальным представлением о социализме. В коллективистском обществе экономические основания социальной дифференциации, на которых держится классовая структура, отходят на второй план. Их замещают собственно социальные – индивидуализированные и культурно обусловленные: «Коллективность как предпосылка производственной деятельности людей при социализме меняет соотношение социального и экономического»⁴⁶. В советском обществе, коль скоро оно является социалистическим, классы старого типа существовать не могут.

В такой исследовательской позиции очень чётко выражена специфика файнбургского взгляда на социализм. Для того чтобы понять это общество, он мыслительно удаляется от него на такую историческую дистанцию, с которой не заметны исторические ситуации, лица, вещи, предметы – всё то, что связано с повседневностью человеческого существования. Изучать социализм первоначально следует «в чистом виде, освободившись с помощью методов абстракции от частных, конкретных особенностей»⁴⁷. Файнбург приоткрывает свой метод изучения – от книги к книге. Тексты Маркса являются главным источником для построения теории социалистического общества, и тогда основным методом его изучения служат процедуры деконструкции этих текстов, извлечения из них дополнительных актуальных смыслов.

Официальные партийные идеологи, сочиняя новые концепции социализма, естественно, также отдавали дань традиции, используя по-марксистски звучащие формулировки, но шли они от практических задач: вот скоро придёт 1980 год, а коммунизма не построим; экономика страдает от диспропорций – «нужно расчис-

⁴⁶ Файнбург, Козлова, *Диалектическая логика*, указ. соч., с. 107.

⁴⁷ Там же, с. 11.

тить тылы», «расшить узкие места» и пр. В такой ситуации надо чем-то заместить непосредственно коммунистическую перспективу, более реально взглянуть на вещи. Для западных левых, как, впрочем, и для коммунистических оппозиционеров из европейских социалистических стран, поиск новой концепции социализма служил инструментом политической борьбы. Позиция Файнбурга представляется иной – более отстранённой и академической. Михаил Лифшиц удачно назвал подобное свойство другого марксистского теоретика Г. Лукача отвлечённостью, «которая делала его глухим ко многому»⁴⁸. Экономист по базовому образованию, Файнбург, конечно же, замечал реальные беды советской экономики: отраслевые диспропорции, нерациональное использование природных ресурсов, низкую производительность труда, старение производственных мощностей, дефицит потребительских товаров (что тогда по-деловому обсуждалось на конференциях и в специализированных журналах), – но для него все эти сюжеты казались чем-то вторичным, преходящим, не заслуживающим того, чтобы учитывать в теоретических построениях. Во всяком случае, в книге *Диалектическая логика политэкономии социализма* эти проблемы не обсуждаются вовсе.

Социолог Файнбург, исследовавший конкретные формы коллективности, обходил вниманием проблему институализированного неравенства в потреблении как нечто неважное, производное от производственных условий, для теории несущественное. Он прямо высказывался по этому поводу:

«Определение социализма через благосостояние как его конечную цель привнесено в теорию И.В. Сталиным (1952 г.) и является отражением идеологических установок “культы личности”»⁴⁹.

Здесь важно не имя. С ним Файнбург как раз ошибся: тема неравенства в потреблении как фундаментальная проблема зрелости социалистического общества была инициирована Троцким.⁵⁰ Здесь важно отношение. Самая жгучая проблема повседневного существования людей, на взгляд Файнбурга, не заслуживала теоретической интерпретации в терминах большой экономической теории. Файнбург настаивал на том, что, не поняв природы социализма, мы не поймём ничего в его конкретных формах. Наши знания о социализме не полны и не системны. Он охотно цитировал фразу, внесённую в директивную статью Ю.В. Андропова: «Если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живём и трудимся...»⁵¹. Для того чтобы его на самом деле

⁴⁸ Лифшиц М. Лукач // *Вопросы философии*. 2002. № 12 [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.gutov.ru/lifshitz/texts/olucache.htm> (Дата обращения 26 01 2010).

⁴⁹ Файнбург, *Не сотвори себе кумира*, указ. соч., с. 57.

⁵⁰ Троцкий, *Преданная революция*, указ. соч., с. 96–98.

⁵¹ Андропов Ю.В. *Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР*. М.: Политиздат. 1983 [Электрон-

узнать, недостаточно цитировать Маркса и Энгельса, но следует обратиться к разработанной ими методологии социального познания – логике *Капитала*.

Этот термин, как уже указывалось выше, появившийся на страницах ленинских *Философских тетрадей*, вошёл в советское обществознание на рубеже 1970-х как иное наименование диалектического метода познания. «Изложить существо логики *Капитала*, – разъяснял читателям Э. Ильенков, – значит изложить *материалистическую диалектику* во всем объёме её развитого содержания...»⁵².

Когда Файнбург в самом начале книги, изданной в Саратове, написал: «Современный уровень развития социализма расширил возможности для его политической экономии использовать методологические положения *Капитала* К. Маркса»⁵³, – он тем самым объявил о разрыве с мощной советской идеологической традицией, фактически запрещавшей использовать диалектический метод для описания социалистической действительности. Нельзя сказать, чтобы в пропаганде не использовались его отдельные элементы. Отвергалось ядро метода, требующее от исследователя не просто видеть «взаимоисключающие, противоположные тенденции во всех явлениях и процессах природы (и духа, и общества в том числе)», но и признавать в них сущность тех же самых явлений и процессов и условие его «самодвижения»⁵⁴.

Социализм полагалось описывать через признаки, через достижения, через сущностные стороны, но отнюдь не через его глубинные противоречия. Социализм – общество гармоническое или стремящееся к гармонии. В нём есть недостатки, встречаются и противоречия, но не сущностные и не антагонистические. Акцентировать противоречия социалистического общества считалось одним из главных признаков ревизионистских отклонений от правильной теории.

«Сначала Карл Корш, а потом и функционеры диамата считали, что обращение к нетождественности – именно в силу своего имманентно-критического и теоретического характера – является незначительным нюансом в неогегельянстве в исторически преодоленных позициях левых гегельянцев, – заметил Т. Адорно, – как будто критика философии, осуществлённая Марксом, освобождает от этой необходимости»⁵⁵.

ный ресурс] Точка доступа: <http://www.sovetika.ru/sssр/andropovst001.htm>. Дата доступа: 03.02.2013.

⁵² Ильенков Э.В. *Диалектическая логика. Очерки истории и теории*. 2-е изд., дополн. М.: Политиздат, 1984 [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://psylib.org.ua/books/ilyen02/txt10.htm>. Дата доступа: 30.04.2012.

⁵³ Файнбург, Козлова, *Диалектическая логика*, указ. соч., с. 11.

⁵⁴ Ленин, *Философские тетради*, указ. соч., с. 316–317.

⁵⁵ Адорно Т.В. *Негативная диалектика*. М.: Научный мир, 2003. С. 132.

В этом вопросе З.И. Файнбург был солидарен с Адорно. Понять социализм, писал он, можно, только выявив внутренние, имманентно ему присущие противоречия:

«Отсутствие, якобы, при социализме сущностных для него противоречий (или во всяком случае их второстепенное значение) достаточно долго (до второй половины 1950-х) оставалось официальной версией, соответствующей идеологии культа личности. ... Однако и до сих пор в официозном обществоведении нет ни одного учебника и учебного пособия (по состоянию на конец 1990 года), в котором теория социализма последовательно бы основывалась на анализе его основного противоречия. Таков был уровень официозного “марксизма” в СССР»⁵⁶.

Определению основного противоречия социализма посвящено несколько страниц в *Диалектической логике политической экономики социализма*, отличающихся нарочитой сложностью изложения. Из них можно выяснить, что основное противоречие следует искать в исходном (всеобщем) отношении социализма, то есть в коллективности. Это исходное отношение реализуется в наиболее полном виде в системе общественного производства. Итак, чтобы понять социализм, нужно выявить основное противоречие в процессе производства, – утверждал Захар Файнбург. Именно в труде следует искать «тождество противоположностей», обеспечивающих социалистическое общества, или, иначе, самодвижение отношений коллективности. Внутреннее противоречие коллективности – это не противоречие между социальными группами, тем более классами, это противоречие между индивидуальностью и общностью в целом:

«Индивидуальное в условиях социализма есть лишь относительное выделение внутри общего, внутри коллективности. С другой стороны, коллективность не существует при социализме вне этой индивидуальной относительной выделенности: в этом её сущность и её противоречие»⁵⁷.

Здесь Файнбург вступает в неявную полемику с Троцким, утверждавшим, что основное противоречие раннего социализма коренится в неравенстве потребления при общем отношении к собственности. Это неравенство проявляется в социальном конфликте между бюрократией и трудящимися массами.⁵⁸ Такие взгляды на

⁵⁶ Файнбург З.И. Генезис идеи коллективности: развитие социальной практики, отраженное в идее // *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований*. Матер. VI Всероссий. науч. конф., посв. 80-летию со дня рожд. проф. З.И. Файнбурга. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2002. С. 346–347.

⁵⁷ Файнбург, Козлова, *Диалектическая логика*, указ. соч., с. 33–39.

⁵⁸ Троцкий, *Преданная революция*, указ. соч., с. 198.

основное противоречие социализма бытуют и сегодня в марксистской среде.⁵⁹

Захар Файнбург предложил методологический принцип изучения социализма, названный им *прогностической ретроспекцией*. Смысл её сводится к тому, чтобы исследовать менее развитое общество, «отправляясь от более развитого». Понять социализм возможно только при помощи теоретической модели полного коммунизма. Эта «модель позволяет выявить внутреннее содержание и развитие каждой категории и системы категорий политэкономии социализма».

«Исследовать будущее, опираясь на настоящее, и познавать настоящее, отправляясь от будущего, – таков, как нам кажется, наиболее плодотворный путь познания экономической сущности социализма».⁶⁰

Здесь Файнбург полемизирует с гегельянским представлением о постижении истории. Согласно Гегелю, задача философии состоит в том, чтобы понять современную эпоху из неё самой, но не из будущего. В интерпретации Лукача, эта идея образует «ядро подлинно исторической диалектики самой истории, схваченной в мыслях, ибо процессивность каждой предметности может быть раскрыта конкретнее всего на настоящем, так как настоящее яснее всего показывает единство результата и исходного пункта процесса»⁶¹. Файнбург считал иначе. Настоящее ещё не созрело, оно не полно и отягощено наследием прошлого, поэтому смысл настоящего нам ещё не известен. Для того чтобы его познать, необходимо отступить на 70–150 лет назад в историческое прошлое, изученное классиками марксизма. В тенденциях развития капитализма обнаружить противоречивые черты, только сегодня в полной (или неполной) мере выявленные, экстраполировать их в будущее, придав им, естественно на бумаге, черты зрелости и завершенности, и только потом – сквозь призму нами же сконструированных моделей – обратиться к изучению современности. Он отдавал себе отчёт в том, что представление о будущем, сгенерированное таким способом, непременно содержит в себе умозаключения, построенные на слабых основаниях, «ориентированные ценностным в сознании (то есть идеологическим фактором)»⁶², однако не считал их системной ошибкой, скорее неизбежными допущениями, с которыми следует считаться при построении большой теории.

Основным источником изучения социализма при такой постановке вопроса является внимательное чтение трудов Маркса, а

⁵⁹ Дробан А. *Управляющие и управляемые. Уроки октября: взгляд из XXI века* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.lgz.ru/article/2603/>. Дата доступа: 17.02.2010; *Социализм* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://mirslouvrei.com/content_pol/SOCIALIZM-1084.html/. Дата доступа: 06.02.2011.

⁶⁰ Файнбург, Козлова, *Диалектическая логика*, указ. соч., с. 91–99.

⁶¹ Лукач Г. Моисей Гесс и проблемы идеалистической диалектики // *Политические тексты*, указ. сб., с. 230.

⁶² Файнбург, *Генезис идеи коллективности*, указ. соч., с. 341.

вовсе не сбор, анализ и интерпретация фактов, описывающих сегодняшнюю противоречивую действительность. Не следует считать такой подход личной слабостью Файнбурга-теоретика. Здесь он отдавал дань традиции, укрепившейся в советском публичном сознании в сталинскую эпоху: видеть действительность таковой, какой она запечатлена в тексте – не сквозь газету, а в газете, не через призму теории, а в самой теории. Вербальная реальность в тогдашнем политическом мире обладала ярко выраженным превосходством над правдой факта. Слова значили больше, чем явления повседневной жизни. Подобно идеям Платона, политические слова творили действительность, собственно, они сами и были действительностью, причём действительностью динамичной, развивающейся, прогрессивной.

«Советский Союз был текстовым государством – возможно, первым в истории человечества, – справедливо замечает Д. Юрьев. – Ранее всегда господство идеологии, воплощённой в слове, маскировалось традицией, религией или поведенческой практикой. Коммунизм оставил Слово в одиночестве, но при этом обожествил его и возвёл на престол».⁶³

Захар Файнбург, получивший образование на экономическом факультете МГУ, знал *Капитал* много лучше, нежели экономические реалии советского, а тем более современного ему западного общества. В основе его исследовательского метода обнаруживается доминирование теории над переменчивой, амбивалентной, инертной действительностью, иначе говоря, примат формы над материей. Надо заметить, что Файнбург понимал ограниченность такого подхода к изучению социализма и в конце своей жизни попытался к самому общему в формационной характеристике добавить анализ процесса реализации социалистической тенденции истории в СССР. Ключом к изучению советской истории, по мысли Файнбурга, явилось высказывание русского социал-демократа А.А. Богданова. Он умер, не дожив до массовых репрессий, и потому его книги сохранились в больших библиотеках. Захар Файнбург относился к его литературному наследию с большой симпатией. В романе *Красная звезда* нашёл отрывок, в котором, как ему казалось, были предсказаны «характеристики гипотетического будущего – туманные и грозные...». Прочитируем вслед за Файнбургом эти строки из *Красной звезды*:

«...Даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажён многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом. Это будет далеко не наш социализм»⁶⁴.

⁶³ Юрьев Д. Тупик текстовократии // *Искусство кино*. 2007. № 2. С. 39.

⁶⁴ Богданов А. *Красная звезда* // *Русская литературная утопия*. М.: Наука, 1986. С. 282.

В брошенной партийным литератором мимоходом фразе: «Это будет далеко не наш социализм» – Файнбург нашёл подтверждение мыслям и чувствам – и своим собственным, и поколенческим.

Тема культа личности, аккуратно поставленного автором в кавычки, стала для него той «клеточкой исторического процесса, анализируя которую, можно было понять специфику советской истории. Для Файнбурга её противоречия и зигзаги, в конечном счёте, объяснялись историческим наследием:

«С точки зрения уровня экономического развития Россия (как “слабое звено” в цепи империализма в начале XX века) была явно и очевидно менее готова к перестройке общества на коллективистских началах, чем многие другие более развитые страны. Капитализм в России ещё далеко не использовал полностью своих потенциалов. Тем острее и болезненнее были проявления в этой стране социальной революции XX века».

Тем не менее «опережающая революция» была неизбежна и необходима, в противном случае «сохранилась бы старая политическая надстройка – заведомо реакционная политическая система, тормозящая любое (в том числе и капиталистическое) экономическое и социальное развитие. Такова была альтернатива в России – третьего варианта не было»⁶⁵. По мнению Файнбурга, культ личности был предопределён историческим развитием. Для него был бы совершенно неприемлем взгляд на культ Сталина как на локальное явление, возникшее в результате исторической случайности и связанное «теснейшим образом с именем патрона, сделавшего назначение секретарской иерархии сверху господствующей практикой в партии и поставившего последнюю под контроль политической партии»⁶⁶.

Итоги социалистического строительства в СССР Файнбург оценивал критически:

«Рождённая в этих условиях модель нового общества была, очевидно, несовершенной: в ней были воплощены грубая уравнительность, авторитаризм, приоритет насилия над демократией, жёсткая иерархичность, материальные заботы как начало и конец реализации отношений коллективности. Но эта модель была естественна: она отражала социальную политику своего времени – противостояние богатых и бедных, неразвитость объективных предпосылок нового общества, политическую культуру раннекапиталистических обществ»⁶⁷.

Вопрос о том, возможен ли из такой позиции откат к буржуазному способу производства, в работе не ставился. Мысль о том, что

⁶⁵ Файнбург, *He сотвори себе кумира*, указ. соч., с. 14–15.

⁶⁶ Hermann K. Zur Kritik und Theory des Realsozialismus // *Kommunistische Streitpunkte – Zirkularblätter*. 2000. № 6 [Электронный ресурс]. Точка доступа: <http://web.archive.org/web/20060209231541/http://members.aol.com/Streitpunkte/ks0603.html>. Дата доступа: 30.01.2010.

⁶⁷ Файнбург, *Генезис идеи коллективности*, указ. соч., с. 343.

социализм может оказаться затянувшимся переходным периодом от капитализма к капитализму, Файнбург никогда не формулировал. Однако предложенный им концепт социализма – коллективистского общества, складывающегося на неадекватной ему материально-технической базе, – как минимум, не исключал попятного движения, вплоть до восстановления буржуазных отношений.

Заявив себя приверженцем материалистической диалектики, обращённой к изучению противоречий в социальной жизни, Захар Файнбург, несмотря на всю свою привязанность к социологии, вынужден был строить теоретические концепции на основе старых текстов, производя над ними сложнейшие мыслительные операции. Его взгляды, которые могли бы послужить основой для дискуссий в марксистском сообществе, оказались погребёнными в малотиражных сборниках и провинциальных изданиях. У социолога Файнбурга остались ученики. У Файнбурга-теоретика нет наследников.